

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ПО ФОРМЕ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПО СОДЕРЖАНИЮ»: БУРЯТСКАЯ НАЦИЯ В СОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья подготовлена при поддержке проекта № 0338-2015-0001 «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» в рамках Комплексной программы СО РАН № П.2 «Интеграция и развитие».

Статья посвящена проблеме конструирования бурятской этничности в советском идеологическом дискурсе. В ней рассматриваются конструирование социалистических наций, репрессии традиционных культур, актуализация идеи советского интернационализма – весь процесс, направленный на укрепление коммунистического режима и создание единой политической общности в границах СССР. Выявлена особая роль этничности, включенной после соответствующей обработки в идеологический арсенал Советского государства.

Ключевые слова: национальная политика; советская власть; социалистическая культура; этничность.

В исследованиях, связанных с историей национального вопроса в СССР, популярен тезис о противоречивости этнонациональной политики: с одной стороны, руководство страны активно способствовало формированию национальных идентичностей, с другой – последовательно проводило курс на создание единой советской общности. Результатом осуществления первой тенденции стало то, что «в массовое сознание на фоне пропаганды интернационализма внедрялись нормы национализма. В течение десятилетий поколениям советских граждан государство втолковывало, что они не просто люди и граждане, а еще и представители “наций и народностей”, обладающих определенными и различными статусами» [1. С. 212]. В то же время в противовес националистическому дискурсу коммунисты стремились реализовать доктрину «пролетарского интернационализма», суть которой заключалась в том, что «солидарность трудящихся России во имя общего революционного дела требует их объединения в едином государстве» [2. С. 16]. Эта вторая тенденция была направлена на интеграцию поликультурного общества в гражданскую нацию и представляла собой «самое обычное нациестроительство, лишь окрашенное в “камуфляжный” классовый цвет» [3. С. 312].

Обе тенденции являлись «частью общей политики модернизации общества, осуществлявшейся сталинским государством» [1. С. 207–208]. Однако в отличие, например, от классической модернизации Западной Европы, где процесс нациестроительства стал ее важным *средством*, «догоняющая» советская модернизация, напротив, полагала создание «национальных» общностей и венчающей их советской общности своей главной *целью*. Политическая практика нациестроительства при этом определялась идеологическими догмами коммунистического режима. Соответственно, роль идеологии в деле конструирования новых общностей и идентичностей была более чем значительна: с ее помощью этничность, выступавшая основой формирующихся социалистических наций (ни для кого уже не секрет, что одним из главных признаков сталинской теории наций, лежавшей в основе разрешения национального вопроса в СССР, являлось отождествление поня-

тий «этнос» и «нация» (см.: [3. С. 310])), инкорпорировалась в советскую государственность и становилась ее важным элементом.

В связи с этим возникает потребность в анализе соотношения и взаимосвязей между этничностью и идеологией – концептами, ставшими в период существования Советского государства важными факторами, определявшими политическую практику власти, – в изучении советской идеологии с точки зрения ее использования в процессах нациестроительства и конструирования «национальных» идентичностей. Тем более что востребованность такого исследования обуславливается необходимостью «возвращения идеологии и политики в общий анализ советского периода» [4. С. 343].

Едва ли вызовет возражение тезис о том, что Советский Союз представлял собой государство идеологическое. Следовательно, рассматривать его этнонациональную политику невозможно вне идеологического контекста. Как подчеркивают некоторые исследователи, для советского руководства был характерен «системный подход... к разработке национальной политики: она сверялась с идеологическими задачами советского режима...» [Там же. С. 340]. Как известно, главной декларируемой целью Советского государства являлось построение коммунистического общества, и, соответственно, этническая политика во многом обуславливалась его стремлением к реализации этой цели. В результате идеология оказывала огромное влияние на (этно)идентификационный дискурс, зачастую превращаясь, особенно на локальном уровне, в главный источник и одновременно инструмент конструирования этнической идентичности. Можно уверенно говорить об откровенном конструктивизме советских практиков национальной политики. Как отмечал по этому поводу С.В. Чешко, «...советская практика “национального строительства” убедительно показала, что если и не этносы, то этнонации действительно можно конструировать почти в буквальном смысле» [1. С. 206]. Еще яснее эта мысль сформулирована у С. Глебова и А. Семенова, подчеркивающих, что «все аргументы, которые имели хоть долю эссенциализма, заключенного в классическом сталинском определении нации, отметались

практиками-нациестроителями. Вопросы территориальности, языковых различий, общности происхождения отступают на второй план, когда речь идет об организации образования или средств массовой информации. «Кажется, что [для коммунистов] ... вопросы эссенциального порядка вторичны, тогда как абсолютно первичны проблемы создания стандартизированных языков и организации образования в духе прогрессивной и репрессивной модернизации» [4. С. 341].

С победой большевиков на просторах бывшей Российской империи начался грандиозный эксперимент по созданию «новых» национальных культур и идентичностей, новых в том смысле, что все они конструировались в контексте социалистической идеологии. Двудеиной целью начавшегося нациестроительства являлось стремление коммунистов, во-первых, обуздать опасный потенциал националистической доктрины, которая, будучи неподконтрольной, могла создать серьезные предпосылки для уничтожения единой советской государственности и, во-вторых, перенаправить мобилизационную составляющую этничности на выполнение собственных идеологических целей, превратить этничность в надежный инструмент своей политики. Естественно, что во главе процесса конструирования находилась правящая партия, руководство которой как в центре, так и на локальном уровне определяло основные параметры и критерии нациестроительства.

При выработке этих параметров и критериев власть отчетливо осознавала опасность, таившуюся в национализме, и стремилась нейтрализовать ее. Большевики понимали, что национальные элиты, способствовавшие их приходу к власти на местах, в целом разделяли доктрину этнонационализма, а решение национального вопроса тесно связывали с коренным этнополитическим переустройством бывшей империи. Коммунистическая партия при выработке своей этнонациональной политики исходила из того, что «национализм являлся исключительно опасной мобилизационной идеологией, поскольку потенциально позволял формировать надклассовые альянсы для достижения националистических целей. Он срабатывал, поскольку позволял представить легитимные социальные жалобы в национальной форме» [5. С. 60]. Имея это в виду, Кремль не мог игнорировать националистические требования окраин, поэтому попытка инкорпорировать некоторые элементы этнонационализма в свою идеологическую программу.

Российские революционеры, деятельность которых определялась марксистской теорией в ее ленинской интерпретации, все же имели склонность к игнорированию этнонациональной проблематики, рассматривая ее в качестве второстепенной и подчиненной социальному вопросу. Сама национальная проблема, с их точки зрения, возникла не как простое следствие исторического факта образования этнических общностей, а как порождение тех социальных и исторических условий, в которых шло их становление и развитие. Марксисты всегда рассматривали национальный вопрос не как абсолютно самостоятельный и

самодовлеющий, а как составную часть более общего и главного вопроса о социальном освобождении трудящихся, ликвидации эксплуататорского общества. Поэтому национальный момент всегда был подчинен общим «интернациональным» интересам и задачам пролетариев всех народов. «Единство рабочих, единство интернациональной борьбы пролетариата бесконечно важнее, чем вопрос о государственных границах», – писал Ленин [6. С. 439]. Соответственно, все вопросы, связанные с развитием и стимулированием национальных культур, рассматривались большевиками прежде всего с точки зрения общих интересов «классовой борьбы пролетариата». По отношению к национализму стратегия большевиков заключалась в том, чтобы «взять на себя руководство воспринимавшимся как неизбежность процессом деколонизации и осуществить его так, чтобы сохранить территориальное единство старой Российской империи и создать предпосылки для формирования нового централизованного социалистического государства» [5. С. 56], а суть их национальной политики сводилась к тому, чтобы «примирить» доктрины этнического национализма и социализма, причем примирить таким образом, чтобы первая потеряла свое самостоятельное значение и превратилась в инструментальный придаток второй.

Каким образом коммунисты пытались разрешить двудеиную цель своей национальной политики? С одной стороны, советское руководство определило формы, с помощью которых могла порождаться и стимулироваться «советская» этничность. Большинство современных исследователей согласны с тем, что Советское государство стимулировало этничность посредством государственной институционализации национальных территорий, национальных языков, национальных элит и национальных культур. В рамках этой политики многие этнические общности, признанные властью в качестве «наций», получили собственную государственность и обзавелись собственной интеллектуально-властной элитой, воспитанной в духе безоговорочной преданности советской власти. Советское государство занялось «систематическим стимулированием национального сознания этнических меньшинств и учреждением для них институциональных форм, характерных для национальных государств» [Там же. С. 55].

Как отмечает В.А. Тишков, в национальных союзных и автономных республиках «поддерживалось развитие атрибутов национальной государственности...» [2. С. 27]. Практика огосударствления этносов в Советском государстве объяснялась особой позицией большевистской элиты в национальном вопросе. По мнению Т. Мартина, коммунисты «рассуждали следующим образом: предоставив национальные статусные формы, советское государство сможет расколоть надклассовый национальный альянс, стремящийся к обретению государственности. После этого естественным образом проявится классовое расслоение, которое позволит советскому правительству привлечь пролетариат и крестьянство на основе своей социалистической программы. Сталин настаивал, что

«необходимо взять у них [национальной буржуазии] автономию, предварительно очистив от буржуазной скверны и превратив ее из буржуазной в советскую». Так постепенно формировалось убеждение, что *надклассовая привлекательность национализма снимается через предоставление институциональных форм конституирования нации* (здесь и далее курсив наш. – М.Б., П.В.)» [5. С. 61]. Одновременно в официальном дискурсе национально-культурного и национально-государственного строительства активно создавалась новая, «национальная по форме, социалистическая по содержанию» культура, что достигалось, в частности, «посредством агрессивного стимулирования символических маркеров национальной идентичности: национального фольклора, музеев, одежды, еды, костюмов, оперы, поэзии, культы прогрессивных исторических событий и классических произведений литературы» [Там же. С. 72].

С другой стороны, программа национально-культурного строительства подразумевала изъятие и уничтожение целых пластов традиционной этнической культуры – тех, что с точки зрения официальной идеологии являлись «феодално-религиозными пережитками» и «культурой эксплуататорских классов». Истреблению должны были подвергнуться слои общества, являвшиеся главными носителями и «производителями» пережитков. В результате уничтожения эксплуататорских классов и изъятия их культуры из этнической традиции социалистические этнонации превращались в идеале во внутренне однородные социальные группы. Как отмечает В.А. Тишков, «политика большевиков в национальном вопросе на протяжении всего периода их правления отличалась подчиненностью главной идеологической доктрине – созданию однородных по своей социальной природе “социалистических наций” *трудящихся*... Обеспечить эту “однородность” должны были жесткие репрессии против “буржуазных элементов” среди самих национальностей» [2. С. 22].

В категорию народ / этнос в соответствии с социалистическим учением попадал только «трудящийся» народ. Национальная риторика коммунистов фактически основывалась на том, что любое этническое сообщество – суть социальный коллектив, почти ничем не отличающийся от иных социальных групп. В этом смысле этническая группа не отличается от класса, с той лишь оговоркой, что «эксплуаторские» верхи и, соответственно, та часть традиционной культуры, которая моделируется ими, рассматриваются как чуждый для этноса элемент. Не случайно, что в идеологическом дискурсе большевиков понятия «трудовые массы», «народ», «национальность», «этнос» предельно синонимичны: для них народ (в смысле – народные массы, низы) – это и есть национальность / этнос. То же самое имеет в виду С.В. Чешко, когда пишет, что «с победой Советской власти произошло существенное сближение официального классового подхода и принципа национальности. Поскольку эксплуататорские классы были отстранены от власти и уничтожены, то народы СССР стали целиком “трудящимися”, – хотя и в разной степени пролетаризиро-

ванными, – частями социалистического общества, коллективными объектами целенаправленной политики государства» [1. С. 202]. Одновременно эксплуататоры определялись в категориях враждебности и чуждости, иногда они ставились в один ряд с иноземными захватчиками. Таким образом, этническая культура рассматривалась, прежде всего, как культура *трудового народа*.

Партийное и советское руководство Бурят-Монгольской АССР, будучи лояльным центральному правительству СССР и представляя идеологические интересы Москвы, в своих политических практиках и текстах четко выдерживало курс на актуализацию и реализацию двух рассмотренных тенденций. Во-первых, республиканская власть выступала с жесткой критикой традиционной бурятской культуры. Острие этой критики направлялось на буддийскую религию и социальный строй бурят, сложившийся к моменту социалистической революции и длительный период сохранявшийся после нее. В целом бурятские коммунисты и их сторонники оценивали бурятскую культуру как крайне отсталую. В партийных документах указывалось, что для бурятского общества характерна «темнота и некультурность населения, отсталость хозяйственных форм... консервативность населения и большое влияние ламства» [8. С. 44]. Бурятия рассматривалась как «культурно отсталый край», в котором сохранялись «остатки феодально-патриархальных отношений, влияние буддийского духовенства, кулачества, нойонатства и буржуазно-националистических элементов, выступавших против ломки старого, против революционного преобразования в бурятском обществе» [9. С. 48]. Часто и само население также негативно высказывалось о своей традиционной повседневности. К примеру, на III съезде Советов БМАССР представительница Агинского аймака говорила: «...мы, бурятики, еще не культурны, чрезвычайно отстали и закабалены условиями нашего быта» [Там же. С. 11].

Активной критике со стороны советской власти подвергались буддизм и религиозность бурятского населения. Традиционная религия бурят, которая еще совсем недавно характеризовалась как «оплот и убежище национального духа», рассматривалась большевиками как «фактор, отрицательно влияющий на население» [Там же. С. 15]. Всю буддийскую организацию в Бурятии, рассматривавшуюся в начале XX в. представителями бурятского национального возрождения в качестве основного носителя и генератора бурятской этничности, правящий режим расценивал так: «...ламское сословие, как паук, всосавшийся в живое народное тело, являлось одним из основных бедствий народных масс, “язвой бурятского племени”...» [10. С. 140]; «Язвы многочисленных социальных болезней и духовный дурман, насажденный многотысячной ордой паразитов-лам... веками отравляли душу бурят-монгольского народа» [11. С. 7].

Констатируя огромное влияние буддизма на бурятское население, коммунисты объясняли это тем, что в дореволюционной Бурят-Монголии фактически не было системы национального образования, «зато *дацанов* – этих *рассадников невежества и бескульту-*

рья – было в восемь раз больше, чем школ, а лам и шаманов, одурманявавших народ, – почти в тысячу раз больше, чем учителей» [12. С. 6–7]. Участники национально-культурного строительства отмечали также, что глубоко укоренившаяся в бурятах (среди бурят) популярность буддизма была обусловлена еще и агрессивной этнонациональной политикой царской России: «...русское царское правительство связало дело православия с официальной народностью. Притеснения одновременно падали и на ламайскую веру, и на бурятскую национальность, – и ламаизм превратился в национальную религию. Буряту не давали доступа ни в школу, ни к государственной и общественной деятельности за его “язычество” или “суеверия”, “идолопоклонство”. Этот грубый бесцеремонный нажим вызывал естественную реакцию: *бурят теснее примыкал к дацану, видя в нем оплот родного племени*». Кроме того, стезя религиозного деятеля долгое время оставалась для бурят едва ли не единственным ресурсом социальной мобильности, позволявшим поднять свой социальный статус: в ламаизме буряты видели «не только национальную веру, но и привлекательное звание, которое возносит маленького человека на недостижимую в иных условиях высоту» [13. С. 37].

Буддизм, особенно для восточных бурят, являлся основой их этнической идентичности. Именно через религию происходили социализация индивида и освоение им традиционной культуры. Иными словами, буддизм актуализировал традицию, являясь формой ее существования. До тех пор, пока национальная идентичность бурят выстраивалась на основе буддизма, коммунисты не могли внедрить ценности новой идеологии. Действительно, республиканское руководство исходило из того, что буддизм, имея сильные позиции в традиционном бурятском обществе, представлял собой серьезное препятствие в деле утверждения социализма: «Ламство до сих пор ведет борьбу с нашими культурными учреждениями за влияние на подрастающее поколение, за расширение своей лечебной практики, вообще *против органов советской власти за влияние на массы*» [14. С. 5]. Оно подчеркивало, что ламаизм является «*большой помехой на пути к национально-культурно-хозяйственному строительству Буреспублики. ...значительно осложняет пути и формы национально-культурного строительства*» [15. С. 6–7]. Буддизм характеризовался как «чрезвычайно вредный и опасный», «страшнейший враг новой Бурятии» [16. С. 190]. Опасность буддизма заключалась в том, что «ламы, используя религиозные суеверия отсталой части народа, проводят контрреволюционную работу» [10. С. 140].

Правящий режим начал активную идеологическую борьбу с религией, он призывал к «развертыванию кружков безбожников... ведению непосредственно массовой антирелигиозной работы среди широких масс...» [7. С. 46]. Основную свою задачу бурятские коммунисты видели в том, чтобы «предотвратить влияние ламства на население» [17. С. 67]. Большевики стремились «разоблачать всю гнусность и низость лам, их враждебную народу идеологию, показать, что

ламы, прикидывающиеся “защитниками народа”, в действительности являются его злейшими врагами, что это – волки в овечьей шкуре» [10. С. 140]. Борьбе с религией придавалось большое политическое значение: «Борьба против ламства... имеет важное политическое значение», она «есть часть общей борьбы рабочего класса с капиталистическими элементами» [14. С. 6]. Политическая важность антирелигиозной пропаганды советской власти тем и обуславливалась, что с ее помощью коммунисты стремились «выбить» из сознания людей «религиозный дурман» и освободить его для новой – социалистической – идеологии. Иными словами, компартия пыталась деактуализировать значимость религиозной составляющей идентичности бурят и сконструировать бурятскую общность на основе лояльности ее членов к социализму.

Другим объектом критики коммунистов являлся «несправедливый» общественный строй бурятского общества и те, кто стремился сохранить его, – ламы, нойоны и «буржуазная» интеллигенция, т.е. «эксплуататорский класс и его приспешники». Советский идеологический дискурс строился так, чтобы показать, что «феодально-клерикальная» культура и ее носители чужды и враждебны «трудящимся массам», т.е. собственно бурятскому этносу. Эта чуждость подчеркивалась тем, что ламы и нойоны помещались в один семантический ряд с внешними завоевателями и русским царизмом: «Многовековая история бурят-монгольского народа полна горестных и мрачных страниц. Его истребляли дикие орды маньчжурских и монгольских ханов, его нещадно обирали и эксплуатировали “свои” нойоны, тайши и ламы, царские чиновники и купцы... Бурят-монгольский народ... боролся за свое освобождение против монголо-маньчжурских поработителей и “своих” феодалов и кулаков, против... буржуазных националистов – *предателей народа*» [12. С. 3–4]. Деятельность верхушки бурятского общества, рассматривавшейся как органичная часть системы имперского угнетения, получала крайне негативную коннотацию: «Свыше двухсот лет стонал бурят-монгольский народ под гнетом царя и его приспешников – царских чиновников и старшин, нойонов и кулаков, лам и попов... *Нойонатско-ламская верхушка* совершала одно преступление *против бурят-монгольского народа* за другим» [11. С. 6].

В советском идеологическом дискурсе актуализировалась идея о реакционности той части этнической культуры, которая порождалась «эксплуаторскими» группами, поскольку она была направлена на сохранение и усиление эксплуатации «трудящегося народа». Национально-культурное строительство предлагалось осуществлять таким образом, чтобы «отбросить все то, что на самом деле тянет назад: отсталые формы, которые свойственны некультурным и отсталым народностям, которые навязала буржуазия и которые помогают связывать рабочий класс и крестьянство по рукам и по ногам». В частности, подвергся критике бурят-монгольский алфавит, который был объявлен орудием феодально-теократической культуры, и потому «мы должны признать его совершенно негодным... отбросить как тормозящий быстрое куль-

турное развитие». Большевистские лидеры национально-культурного строительства в республике призывали к «ясному, четкому и правильному критическому отношению к вопросам языка, письменности и культуры вообще» [18. С. 22].

Таким образом советская власть предлагала отказаться от всего того, что с точки зрения официальной идеологии являлось «темным наследием прошлого» и мешало строительству «новой прогрессивной» культуры. Конструирование бурятской социалистической общности предполагалось осуществлять посредством развития и культивирования «подлинных народно-демократических» элементов традиционной культуры. Оно основывалось на развитии «национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, отражающей *передовые традиции и идеалы народа*, лучшие черты его “национального характера” и “психического склада”» [19. С. 87]. Базисом новой общности была пролетарская культура, являвшаяся «преемницей той демократической и социалистической культуры, которая вырабатывалась и развивалась *трудящимися и эксплуатируемой массой, представителями передовой, прогрессивной культуры общества*» [8. С. 44]. Строительство такого базиса предполагалось осуществлять с помощью «пересмотра всего культурного наследия прошлого путем решительного отсева его через пролетарское решето» [18. С. 23]. Как отмечали активисты национально-культурного строительства, в результате такой работы «мы получили бы действительно ценное и нужное из культурного наследия прошлого», что позволило бы «наметить пути и принять методы дальнейшего развития культуры на социалистической основе, *содействующей строительству социализма*» [Там же. С. 22].

Генеральную линию большевиков в культурном строительстве сформулировал И.П. Хабаев: «Мы, товарищи, должны отнестись к национальным особенностям таким образом: если они помогают делу поднятия культурного уровня, делу благосостояния трудящихся рабочих и крестьян, мы должны им помогать и их охранять, если они способствуют внедрению социалистических форм идеологии и хозяйства, мы должны им содействовать и их поддерживать. Но если они стоят на пути социалистического строительства, если они стоят на пути культурного подъема, и если они вместо движения вперед тянут назад, то мы должны отбросить все то, что на самом деле тянет назад...» [Там же].

При этом на начальных этапах национально-государственного строительства необходимость построения социалистической национальной культуры мотивировалась не только внутривластными задачами, но и стратегическим курсом Компартии на мировую революцию: «Своим примером и опытом работы в области пересмотра всего культурного наследия прошлого... мы поможем все более организующимся трудящимся массам зарубежных народов, в особенности Востока, бороться с мировым капитализмом и его идеологией». В связи с этим в официальном дискурсе подчеркивался наднациональный (и даже глобальный) характер Советского государства,

причастность к которому определялась через актуализацию социально-классовой идентичности: «Советский Союз при поддержке мирового рабочего класса под руководством Коминтерна оправдывает свое положение как *социалистического отечества мирового пролетариата*» [18. С. 23].

Формирование социалистической национальной культуры инициировалось через актуализацию определенных областей социокультурного пространства, для чего советская власть активно способствовала созданию специальной инфраструктуры. Успехи в культурном развитии бурятского народа связывались с тем, что «теперь у него есть *своя пресса, свои школы, свои театры и клубы*» [20. С. 171], с тем, что «были созданы культурно-просветительные и научные учреждения, бурятская художественная литература, профессиональное искусство» [21. С. 14]. Наличие такой инфраструктуры, подчеркивалось коммунистами, являлось «яркой иллюстрацией замечательных результатов практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики» [20. С. 171]. Именно она должна была стать гарантом «развития национальной литературы, искусства и т.д.» [9. С. 26], в результате чего «бурятская социалистическая нация» сохраняла бы свою этнонациональную специфику.

Для того чтобы достичь последнего, деятели национально-культурного строительства в республике акцентировали внимание на необходимости развивать национальные культурные кадры: «У нас уже теперь выявляются свои художники, поэты, и наша обязанность всеми мерами поощрять их, давать возможность подняться. Это очень важно в деле создания своей национальной культуры» [9. С. 26]. И самое главное – участники национально-культурного строительства активно использовали в развитии, например, национального искусства и литературы те элементы традиционной культуры, которые не противоречили советской идеологии. «На длинном пути своего исторического развития, – писал П. Дамбинов, – бурят-монголы оставили целый ряд памятников искусства. Эти памятники являются ценными материалами для того здания, к постройке которого мы уже приступили: *они нужны для теоретического обоснования нашей работы и практического разрешения вопросов повышения качества национального искусства*» [16. С. 190]. В отношении национальной литературы подчеркивалось следующее: «Из поколения в поколение создавалась богатая по социальному содержанию и красочная по своему узору устная народная поэзия, улигеры и сказки. *Фольклор составляет органическую часть бурят-монгольской советской литературы*» [22. С. 100].

Одновременно национальная культура являлась инструментом идеологического воздействия на бурятское население. Национальное искусство рассматривалось как «орудие агитации и пропаганды идеи социализма» [16. С. 180]. А «бурят-монгольская литература, как и вся наша советская литература, *служит интересам социалистического строительства*... Она помогает *советским людям* сознавать общность интересов трудящихся и необходимость постоянного объ-

единения их усилий для *достижения общей цели – построения коммунизма в нашей стране*» [22. С. 101]. В идеологическом дискурсе снова и снова подчеркивалась мысль о том, что бурятская литература должна отражать «богатые и сложные процессы социалистических преобразований» [23. С. 167]. Официоз настаивал на том, что «*национальная самобытность литературы важна не как самоцель, а как одно из средств исторически конкретного выражения передового идейного содержания*». В конечном итоге коммунистический режим определял главной задачей национальной литературы «закрепление в художественных образах и утверждение новых черт бурятской социалистической нации» [Там же. С. 168]. Кроме того, власть подчеркивала глубокую интегрированность национальной культуры в общесоветскую социалистическую культуру: «...не следует, конечно, понимать, что мы имеем в виду создать свою национальную бурятскую изолированную культуру, наша цель *развивать свою культуру, увязывая ее с общепролетарской культурой...*» [9. С. 26]. В крайних случаях развитие национальной культуры редуцировалось бурятскими коммунистами до «создания бурятского пролетариата, увеличения процента кооперированного населения» [24. С. 8]. Основной своей задачей в этом случае они видели интенсивное развитие «индустриализации и кооперирования», даже несмотря на то, что, по их же собственному мнению, это «факторы, содействующие продвижению к социализму, но *не во имя национальной культуры*» [Там же. С. 9].

Хотя в программе нацистроительства подчеркивалось стремление к созданию отдельных и самостоятельных «наций», основное ее содержание заключалось в том, чтобы наполнить эти нации «социалистическим содержанием» даже в ущерб «национальной специфике», которая могла подвергаться репрессиям. Не рискуя полностью отказаться от националистической картины мира, в контексте которой общество обязательно должно делиться на отдельные сегменты по этнокультурному признаку, коммунисты приложили максимум усилий для того, чтобы конструируемым ими нациям был одинаково присущ комплекс норм и ценностей советского социалистического общества. В официальном дискурсе особо подчеркивалось, что бурятская нация является именно *социалистической*: «...в отличие от ряда других народностей, сформировавшихся в нации на базе и в период победы капиталистических производственных отношений и сложившихся поэтому как буржуазные нации, бурятский народ сформировался в нацию на базе и в период победы социалистических производственных отношений сразу как социалистическая нация. Это поистине счастливая судьба» [8. С. 23]. И поэтому ее «отличительной» чертой, «как и всех социалистических наций, является *беспредельная преданность делу коммунизма, высокий патриотизм, любовь к Родине, верность делу пролетарского интернационализма, братское сотрудничество и взаимная помощь, классовая солидарность с трудящимися всех стран*» [Там же. С. 48]. Сам дискурс был направлен на актуализацию в сознании «трудящихся масс» идей «пролетар-

ского интернационализма и советского патриотизма» и на их «приобщение к строительству новой жизни и новой культуры, к выработке новых традиций и обычаев» [19. С. 87]. В результате буряты, являясь с формальной точки зрения отдельной самостоятельной общностью, обладавшей собственной государственностью, в то же время представляли собой неотъемлемую часть общесоветской культурно-политической общности: «Бурят-монгольский народ живет одними мыслями и одними чувствами со всеми народами великого Советского Союза...» [22. С. 99].

Критикуя традиционную этническую культуру и концентрируясь на формировании многонациональной (в смысле полиэтничной) государственно-политической общности, советский идеологический дискурс включал в себя и собственно националистическую риторику. Она имела место в контексте теории о защитном национализме нерусских народов, появившемся в ответ на политику так называемого великодержавного или великорусского шовинизма, и была основана на критике национальной политики имперской России. Присутствие этой риторики в официальных идеологических текстах освещалось самым непререкаемым авторитетом советской эпохи – В.И. Лениным, который еще в декабре 1922 г. сформулировал тезис о необходимости «отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой». «По отношению ко второму национализму, – подчеркивал вождь мирового пролетариата, – почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия...» [25. С. 85].

В ранний период советской власти проблема великорусского шовинизма могла еще всерьез обсуждаться в партийно-советских кругах республики как реальное явление, имеющее место в политической практике. Так, М. Ербанов отмечал, что «грубое, пренебрежительно-высокомерное отношение к бурят-монголу со стороны отдельных русских работников в самих аппаратах, тенденция не помогать, как товарищу, а третировать на каждом шагу, имеет место и по сие время» [26. С. 185]. При этом отмечалось, что искоренять над, в первую очередь великодержавный шовинизм, поскольку именно он усиливает местный национализм [27. С. 13]. Даже в 1935 г. еще можно было говорить о том, что «надо повести решительную борьбу с великодержавным шовинизмом и местным национализмом. Проявление великодержавного шовинизма и местного национализма есть политика нашего классового врага, политика кулачества, а раз это так, надо самым беспощадным образом, действительно по-большевистски, твердо бороться с этими уклонами от национальной политики партии» [28. С. 66].

Однако по мере усиления тоталитарного строя эта проблема все больше переводилась в область закосневших идеологических текстов. Их характерной чертой при этом становилось то, что все они были адаптированы к условиям советской действительности. Это достигалось тем, что великодержавный шовинизм подавался как явление «старорежимного» прошлого, не имевшее

места в сегодняшнем дне. Весь критический, негативный запал в них был устремлен в историю, настоящее же представлялось в самом радужном свете.

Политика имперского центра по отношению к бурятскому народу получала в официальном дискурсе крайне негативную оценку: она была направлена на «превращение окраин обширной империи в сырьевой придаток центральных, капиталистически развитых районов. Зверски эксплуатируя малые народы, безудержно грабя и разоряя их, искусственно разжигая национальную вражду, царизм стремился ослабить эти народы, подавить в них всякое стремление к государственной самостоятельности, к культурному и хозяйственному прогрессу. ...Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их» [29. С. 41]. Коммунисты не уставали напоминать, что во времена Российской империи буряты «не имели возможности не только издавать газеты и журналы на своем языке, но им не предоставлялось права иметь свои национальные школы, где обучение можно было бы вести на своем родном языке» [9. С. 16]. Они подвергались жестокому экономическим притеснениям: «Хищнический захват земель, принадлежащих трудящимся Бурят-Монголии, выколачивание поборов и ясака – такой была экономическая политика царизма в отношении бурят-монголов» [11. С. 6]. В результате несправедливой экономической политики «бурят-монгольское население всюду было отодвинуто от городских центров и из притрактовых районов и загнано в наиболее глухие местности, особенно в Забайкалье». Акцентировалось внимание на русификаторстве российской политики: «Царское правительство, понукаемое интересами воинствующего капитализма, вступило решительно на путь русификации бурят-монгольского населения и перевода его из “кочевого быта” в “оседлый”... Та же цель преследовалась распространением на бурят-монголов всеобщей воинской повинности, так как “казарма” признавалась одним из мощных орудий для уничтожения национальных особенностей и нивелировки населения» [15. С. 4].

Подчеркивалось, что политика царизма имела тяжелые последствия для бурят. Территории их расселения находились в состоянии экономической стагнации: «К 1913 году Бурят-Монголия пришла с полутора десятком мелких полукустарных промышленных предприятий, которые не оказывали существенного влияния на экономику края. Бурят-Монголия, как и сотни лет тому назад, продолжала оставаться полукочевой скотоводческой страной» [29. С. 41]. Результатом этого становилась крайне низкая социальная мобильность бурятского населения: «за бурят-монголом закреплялся характер “прирожденного” скотовода и кочевника, чуждого городской культуре и сложным формам хозяйственного быта» [15. С. 4]. Политическими последствиями колонизаторской политики являлись «неразвитость и политическая отсталость» [29. С. 41], а также отсутствие воз-

можности создания «государственной территории с однородным национальным составом» [15. С. 4].

Помещенный в прошлое негатив позволял в то же время наиболее ярко показать достижения Коммунистической партии в деле развития советских национальностей. Партия «освободила бурят-монгольский народ от национального гнета феодальной и капиталистической кабалы и рабства, возродила его к новой свободной и счастливой жизни» [12. С. 4]. Экономическое развитие стало проводиться в интересах бурятского народа и привело к тому, что у него «сложилась общность экономической жизни, связывающая и сплачивающая его в одну нацию. Зарождение и развитие социалистического уклада экономики являлось решающим фактором преодоления социально-экономической отсталости районов Бурятии» [19. С. 85]. Подчеркивалось, что «Бурят-Монголия стала республикой сплошной грамотности и социалистической культуры» [22. С. 99]. Даже русификация бурятского алфавита расценивалась положительно, поскольку это способствовало «быстрейшему приобщению бурят-монгольского народа к самой передовой в мире русской культуре» [12. С. 7], а значит, повышало его социальную мобильность. Официальный дискурс настаивал на отсутствии национальных антагонизмов в советском обществе: вместо былого противостояния между русскими и бурятами теперь можно наблюдать «щедрую и бескорыстную помощь» русского народа бурятскому в деле проявления его «интеллектуальных сил и творческих дарований» [22. С. 99]. В конечном итоге коммунисты утверждали, что им удалось «решить сложнейшую историческую задачу – переход ранее отсталого народа на путь социализма и коммунизма, минуя капитализм» [8. С. 48].

Развитие этнонациональных процессов в Советском Союзе, на первый взгляд, действительно может показаться довольно противоречивым и непоследовательным. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что национальная политика коммунистов была довольно взвешенной и достаточно долгое время гармонично сочетала в себе противоречивые тенденции, заставляя их действовать в одном направлении. Конструирование «социалистических наций», одновременные репрессии традиционных культур и актуализация идеи советского интернационализма – все это служило одной цели – укреплению коммунистического режима и созданию единой политической общности в границах СССР. Особую роль в этих процессах на национальной периферии стала выполнять этничность, которая после соответствующей обработки была включена в идеологический арсенал Советского государства.

Во-первых, этничность использовалась коммунистами предельно инструментально: конструируя советские этнонации, они попутно встраивали их в жесткую систему советского политико-идеологического пространства. Советская государственная система очень тесно интегрировала в себе этнический фактор: «Национальность оказалась огосударственной, бюрократизированной, превратилась в один из элементов тоталитаризма», а партийно-государ-

ственный аппарат «занимался... строительством интегрированных в политическую систему национальных образований...» [1. С. 206–207]. Этничность превратилась из рычага мобилизации населения под флагом национализма в надежный инструмент коммунистического управления национальной периферией. С одной стороны, такой подход к национализму давал иллюзию решенности национального вопроса в СССР и в определенном, достаточно узком, поле позволял удовлетворять этнокультурные потребности меньшинств. С другой стороны, подобная ситуация открывала свободу маневра для концептуализации идеи единой социальной общности – советского народа.

Во-вторых, в советском идеологическом дискурсе конструировалась достаточно сложная система идентичностей, в которой находили место и примирялись лояльности и политического, и социального, и культурного характера. С одной стороны, советская общность понималась как содружество самоопределившихся наций, народов-партнеров, и тогда приходилось смиряться с наличием локального этнонационального самосознания и даже в определенной степени актуализировать его. В этом случае официальный идеологический дискурс невольно формировал в сознании населения представление о том, что Советский Союз являлся сообществом не столько граждан, сколько советских наций и народностей, а советская идентичность представляла собой сумму коллективных идентичностей всех этнонаций, образующих СССР.

С другой стороны, была актуализирована идея «советского народа». Границы этой общности конструировались посредством классовой, а не этнической принадлежности, и, соответственно, сама она преподносилась как согражданство трудящихся, не разделяемых по этническому признаку и объединенных своей социально-классовой близостью и идеологией. Данный концепт более всего подходил для актуализации общесоветской идентичности на индивидуальном уровне, поскольку, минуя этнокультурный уровень, он должен был вызывать чувство солидарности у каждого жителя СССР, апеллируя к его классовому самосознанию. С этой точки зрения становится понятным, почему в советском идеологическом дискурсе понятия «этнос», «народ», «национальность», «нация» совпадали по своей смысловой нагрузке с

такими понятиями, как «эксплуатируемый класс» или «трудящиеся массы». Советская власть помещала в один логический ряд категории этничности и класса, преследуя цель растворить этническую идентичность в социально-классовой. При этом создание советской идентичности шло за счет ее насыщения идеологическими символами и смыслами, что также позволяло конструкторам советской общности избавить население от привязанности к идеям этнонационализма.

Коммунистическое руководство вполне отдавало себе отчет в той опасности, которая содержится в националистической доктрине, и попыталось нейтрализовать эту опасность, восприняв некоторые внешние формы национализма и инкорпорировав их в здание советской государственности. Как подчеркивает Т. Мартин, коммунисты «попытались соединить националистические требования наличия собственной территории с социалистическим стремлением к экономически и политически унифицированному государству» [5. С. 76]. Одновременно идеологический дискурс, особенно в части вопроса национальностей и – шире – идентичности вообще, формировался так, что актуализировал, во-первых, социально-классовую лояльность (что уже разрушало националистическую риторику в отношении единства нации или, говоря словами Мартина, «надклассовый националистический альянс») и, во-вторых, государственно-политическую идентичность в масштабах всего СССР. Привлекая национализм в свою социалистическую программу, коммунисты рассматривали его как тактическое средство, которое, в конечном итоге, позволит преодолеть господство локальных идентичностей и будет способствовать становлению единого политического самосознания в границах СССР. В этом смысле их действительно можно обозначить как «интернационалистических националистов», действия которых, однако, направлены, прежде всего, на формирование единой советской общности, а отнюдь не на стимулирование отдельных национальных идентичностей. Этническая культура и традиция, которую в силу политической целесообразности необходимо было сохранить, выступала всего лишь в качестве вспомогательного, сырого «материала», который подвергался активному конструированию и от которого отсекалось все, что не укладывалось в рамки марксистско-ленинской идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. М., 2000. 395 с.
2. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: исторический аспект // Этничность и власть в полиэтничных государствах : материалы междунар. конф. 1993 г. М. : Наука, 1994. С. 9–34.
3. Рыбаков С.Е. Философия этноса. М. : ИПК Госслужбы, 2001. 360 с.
4. Глебов С., Семенов А. От редакции. Политика, империя и национализм в раннесоветский период (предисловие к публикации) // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 339–344.
5. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 55–87.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 27. 643 с.
7. Материалы об итогах партийного строительства за 3 года (1924–1926). Верхнеудинск, 1927. 37 с.
8. Модогоев А.У. Под знаменем Советов, под водительством партии Ленина // Бурятия славит Октябрь. Улан-Удэ, 1967. С. 17–52.
9. Третий съезд Советов Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики (25 марта – 3 апр. 1927 г.). Верхнеудинск, 1927. 91 с.
10. Шулушкин М.И. Двадцать лет бурят-монгольской литературы // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 132–151.
11. Иванов С.М. Двадцать лет социалистической Бурят-Монголии // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 7–18.
12. Кудрявцев А.В. К 25-летию Бурят-Монгольской АССР // 25 лет Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ : Бурят-Монг. гос. изд-во, 1948. С. 5–9.
13. Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика. Очерки и отчеты. 1923–1924 гг. Верхнеудинск, 1925. 383 с.

14. Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика (материалы к отчету IV съезда Советов). 1926/7–1927/8 гг. Верхнеудинск, 1928. 137 с.
15. Доклад правительства БМАССР Совнаркому РСФСР. Улан-Удэ : Изд. ЦИК и СНК БМАССР, 1928. 90 с.
16. Дамбинов П. О национально-художественном строительстве Бурятии // Бурятияведение. I–II (9–10). Верхнеудинск, 1929. С. 188–192.
17. Бурят-Монгольский Центральный Исполнительный Комитет. Третья сессия (1–9 апреля 1926 г.). Протоколы и резолюции. Верхнеудинск, 1926. 353 с.
18. Хабаев И.П. Новый бурят-монгольский алфавит // Бурятияведение. III–IV (11–12). Верхнеудинск, 1930. С. 18–23.
19. Санжиев Б.С. О консолидации бурятской социалистической нации как составной части новой исторической общности советского народа // В братской семье народов. Улан-Удэ, 1974. С. 82–91.
20. Бельгаев Г.Ц. Искусство бурят-монгольского народа // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 171–181.
21. Бадиев А.А. Образование и развитие Бурятской АССР – торжество ленинской национальной политики // В братской семье народов. Улан-Удэ, 1974. С. 5–22.
22. Хамаганов М.П. Бурят-Монгольская советская литература. Иркутск, 1951. 136 с.
23. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства в Бурятии. Улан-Удэ, 1995. 193 с.
24. Богданов В.А. Об уклонах в понимании вопросов культурно-национального строительства // Бурятияведение. I–III (V–VII). Верхнеудинск, 1928. С. 3–11.
25. Ленин В.И. Национально-колониальный вопрос. М. : Партиздат, 1933. 179 с.
26. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. 352 с.
27. Резолюции 6-й Бурят-Монгольской областной конференции ВКП(б) (6–16 декабря 1928 г.). Верхнеудинск, 1928. 18 с.
28. Отчет правительства VI съезду Советов Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1935. 71 с.
29. Фомин А.Я. Промышленность Бурят-Монголии за двадцать лет // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 41–59.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 октября 2016 г.

“NATIONAL IN FORM, SOCIALIST IN CONTENT”: THE BURYAT NATION IN THE SOVIET IDEOLOGICAL DISCOURSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 40–49.

DOI: 10.17223/15617793/412/7

Marina N. Baldano, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: histmar@mail.ru

Pavel K. Varnavskiy, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: wpk1@mail.ru

Keywords: national policy; Soviet power; socialist culture; ethnicity.

The main aim of this work is to investigate the nation-building processes and “national” identities construction in the USSR, the reconstruction of the Soviet ideology from the point of view of its use in the practice of nation-building. The main task is to analyze the correlation and relationships between ethnicity and ideology – concepts that determined the political practice of the power. The sources of the research are the text corpus that formed the basis of the power discourse on this issue: official reports and speeches of the Communist leaders of the Buryat-Mongolian Autonomous Republic, materials of the Party and republican meetings and conventions that developed the strategy and the tactics of the (ethno-)national policy. The analysis of the sources demonstrates how ethnicity transformed from a lever of population mobilization under the flag of nationalism into a reliable tool of the Communist control of the national periphery. This situation opened space for the conceptualization of the idea of a united social community – the Soviet people. Construction of “socialist nations”, simultaneous repression of traditional cultures and actualization of the Soviet internationalism ideas – all this contributed to the strengthening of the Communist regime and the formation of a unified political community within the boundaries of the USSR. Ethnicity began to play a special role in these processes at the national periphery; after appropriate processing it was included in the ideological arsenal of the Soviet state. The main declared aim of the Soviet state was to build a Communist society; accordingly, ethnic policy was largely conditioned by the aspiration to achieve this aim. The authors concluded that the Soviet ideological discourse constructed a complex system of identities where loyalties of political and socio-cultural nature took place and reconciled. Bringing nationalism into their program, the Communists saw it as a tactical tool that would eventually overcome the dominance of local identities and contribute to the development of a common political identity within the boundaries of the USSR. In this sense, they can be described as “internationalist nationalists”, whose actions, however, focused primarily on the formation of a united Soviet community, rather than on encouraging separate national identities. Ethnic culture and tradition, which had to be preserved because of political expediency, were auxiliary raw “material” exposed to active construction. Everything that did not fit into the framework of the Marxist-Leninist ideology was cut off this material.

REFERENCES

1. Cheshko, S.V. (2000) *Raspad Sovetskogo Soyuz: etnopoliticheskiy analiz* [The collapse of the Soviet Union: an ethno-political analysis]. 2nd ed. Moscow: IEA RAS.
2. Tishkov, V.A. (1994) [Nationalities and nationalism in the post-Soviet space: the historical aspect]. *Etnichnost' i vlast' v polietnichnykh gosudarstvakh* [Ethnicity and power in multi-ethnic states]. Proceedings of the international conference. Moscow: Nauka. pp. 9–34. (In Russian).
3. Rybakov, S.E. (2001) *Filosofiya etnosa* [The philosophy of ethnos]. Moscow: IPK Gossluzhby.
4. Glebov, S. & Semenov, A. (2002) Ot redaktsii. Politika, imperiya i natsionalizm v rannesovetskiy period (predislovie k publikatsii) [From the Editor. Politics, Empire and Nationalism in the early Soviet period (the preface to the publication)]. *Ab Imperio*. 2. pp. 339–344.
5. Martin, T. (2002) Imperiya pozitivnogo deystviya: Sovetskiy Soyuz kak vysshaya forma imperializma? [The Empire of positive action: the Soviet Union as the highest form of imperialism?]. *Ab Imperio*. 2. pp. 55–87.
6. Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
7. Anon. (1927) *Materialy ob itogakh partiynogo stroitel'stva za 3 goda (1924–1926)* [Materials about the outcome of the party building for 3 years (1924–1926)]. Verkhneudinsk: [s.n.].
8. Modogoev, A.U. (1967) Pod znamenem Sovetov, pod voditel'stvom partii Lenina [Under the banner of the Soviets, under the leadership of the party of Lenin]. In: Ochirov, Ts.O. (ed.) *Buryatiya slavit Oktyabr'* [Buryatia glorifies the October]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.

9. Anon. (1927) *Tretiy s'ezd Sovetov Buryat-Mongol'skoy Avtonomnoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki (25 mar. – 3 apr. 1927 g.)* [The Third Congress of Soviets of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic (March 25 – April 3, 1927)]. Verkhneudinsk: Upr-nie delami TsIK i SNK Burespubliki.
10. Shulukshin, M.I. (1943) Dvadsat' let buryat-mongol'skoy literatury [Twenty years of Buryat-Mongolian literature]. In: *20 let Buryat-Mongol'skoy ASSR* [20 years of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude: Burmongiz.
11. Ivanov, S.M. (1943) Dvadsat' let sotsialisticheskoy Buryat-Mongolii [Twenty years of socialist Buryat-Mongolia]. In: *20 let Buryat-Mongol'skoy ASSR* [20 years of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude: Burmongiz.
12. Kudryavtsev, A.V. (1948) K 25-letiyu Buryat-Mongol'skoy ASSR [On the 25th anniversary of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. In: *25 let Buryat-Mongol'skoy ASSR* [25 years of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude: Burmongiz.
13. Anon. (1925) *Buryat-Mongol'skaya Avtonomnaya Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika. Ocherki i otchety. 1923–1924 gg.* [The Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. Essays and reports. 1923–1924]. Verkhneudinsk: Izdanie Gosplana B.-M. ASSR.
14. Anon. (1928) *Buryat-Mongol'skaya Avtonomnaya Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika (materialy k otchetu IV s'ezda Sovetov). 1926/7–1927/8 gg.* [The Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic (materials to the report of the IV Congress of Soviets). 1926/7–1927/8]. Verkhneudinsk: izdanie TsIK i SNK B.-M. ASSR.
15. Anon. (1928) *Doklad pravitel'stva BMASSR Sovnarkomu RSFSR* [Report of the Government of the BMASSR to the RSFSR Council of People's Commissars]. Ulan-Ude: Izd. TsIK i SNK BMASSR.
16. Dambinov, P. (1929) O natsional'no-khudozhestvennom stroitel'stve Buryatii [On national and artistic construction of Buryatia]. *Buryatievedenie*. I–II (9–10), pp. 188–192.
17. Anon. (1926) *Buryat-Mongol'skiy Tsentral'nyy Ispolnitel'nyy Komitet. Tret'ya sessiya (1–9 aprelya 1926 g.)* [The Buryat-Mongol Central Executive Committee. The third session (1–9 April 1926). Protocols and resolutions]. Protokoly i rezolyutsii. Verkhneudinsk: [s.n.].
18. Khabaev, I.P. (1930) Novyy buryat-mongol'skiy alfavit [New Buryat-Mongol alphabet]. *Buryatievedenie*. III–IV (11–12), pp. 18–23.
19. Sanzhiev, B.S. (1974) [On consolidation of the Buryat socialist nation as part of the new historical community of the Soviet people]. *V bratskoy sem'e narodov* [In the fraternal family of nations]. Proceedings of the conference on the 50th anniversary of the Buryat ASSR. Ulan-Ude. 30–31 May 1973. Ulan-Ude: Buryat. kn. izdatel'stvo. pp. 82–91. (In Russian).
20. Bel'gaev, G.Ts. (1943) Iskustvo buryat-mongol'skogo naroda [Art of the Buryat-Mongol people]. In: *20 let Buryat-Mongol'skoy ASSR* [20 years of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude: Burmongiz.
21. Badiev, A.A. (1974) [The formation and development of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic – the triumph of the Leninist national policy]. *V bratskoy sem'e narodov* [In the fraternal family of nations]. Proceedings of the conference on the 50th anniversary of the Buryat ASSR. Ulan-Ude. 30–31 May 1973. Ulan-Ude: Buryat. kn. izdatel'stvo. pp. 5–22. (In Russian).
22. Khamaganov, M.P. (1951) *Buryat-Mongol'skaya sovetskaya literatura* [Buryat-Mongol Soviet literature]. Irkutsk: Oblastnoe Gosudarstvennoe Izdatel'stvo.
23. Bazarov, B.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' 1920–1950-kh godov i razvitie literatury i iskusstva v Buryatii* [Social and political life in the 1920s–1950s, and the development of literature and art in Buryatia]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN.
24. Bogdanov, V.A. (1928) Ob uklonakh v ponimanii voprosov kul'turno-natsional'nogo stroitel'stva [On the positions in the understanding of the issues of culture- and nation-building]. *Buryatievedenie*. I–III (V–VII), pp. 3–11.
25. Lenin, V.I. (1933) *Natsional'no-kolonial'nyy vopros* [The national-colonial question]. Moscow: Partizdat.
26. Elaev, A.A. (2000) *Buryatskiy narod: stanovlenie, razvitie, samoopredelenie* [The Buryat people: formation, development, self-determination]. Moscow: [s.n.].
27. Anon. (1928) *Rezolyutsii 6-y Buryat-Mongol'skoy oblastnoy konferentsii VKP(b) (6–16 dekabrya 1928 g.)* [Resolution of the 6th Buryat-Mongol Regional Conference of the CPSU (b) (6–16 December 1928)]. Verkhneudinsk: [s.n.].
28. Anon. (1935) *Otchet pravitel'stva VI s'ezdu Sovetov Buryat-Mongol'skoy ASSR* [Report of the Government to the VI Congress of Soviets of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude: Burmongiz.
29. Fomin, A.Ya. (1943) Promyshlennost' Buryat-Mongolii za dvadsat' let [Industry of Buryat-Mongolia for twenty years]. In: *20 let Buryat-Mongol'skoy ASSR* [20 years of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude: Burmongiz.

Received: 20 October 2016